

Философская травелогия как метод культурно-политических исследований*

КАРА-МУРЗА А. А. (2019) ИТАЛЬЯНСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПЕТРА ЧААДАЕВА (1824–1825). М.: АКВИЛОН. 112 С. ISBN 978-5-906578-49-5

КАРА-МУРЗА А. А. (2020). СОРПЕНТО ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЕВА (1876). М.: АКВИЛОН. 80 С. ISBN 978-5-906578-62-4

Ольга Жукова

Доктор философских наук, профессор, Школа философии и культурологии, факультет гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000

E-mail: logoscultura@yandex.ru

Настоящая статья посвящена новым книгам российского философа и политолога Алексея Кара-Мурзы. Автор многочисленных работ по философии российской истории и культуры, русской общественной мысли, он успешно работает в оригинальных жанрах философской травелогии и философского краеведения. В течение многих лет предметом научного интереса Алексея Кара-Мурзы выступают русско-европейские, русско-итальянские культурные взаимодействия. В новых монографиях исследуются политические обстоятельства, а также ключевые биографические сюжеты путешествий в Италию выдающихся русских мыслителей Петра Чаадаева (1824–1825) и Владимира Соловьёва (1876). По мнению Алексея Кара-Мурзы, эти поездки во многом определили интеллектуальную идентичность русских авторов, духовный и философский горизонт их творчества. Кара-Мурза последовательно развивает значимый тезис об интеллектуальных взаимосвязях между Европой и Россией. Он интерпретирует диалог культур как историю творчества, а путешествие как особый способ философской рецепции культуры и творческой самоидентификации. В статье осуществляется критический анализ культурно-политических исследований в жанре философской травелогии Кара-Мурзы и разрабатываемого им метода, с помощью которого философ производит реконструкцию интеллектуального опыта русских мыслителей в контексте истории русской и европейской культуры.

Ключевые слова: философская травелогия, культурно-политические исследования, русская мысль, личность, философия истории и культуры, культурный миф, реконструкция

В 2019 и 2020 годах в издательстве «Аквилон» вышли две новых монографии российского философа, историка и политолога Алексея Алексеевича Кара-Мурзы, посвященные итальянским путешествиям Петра Чаадаева (1824–1825) (Кара-Мурза, 2019б) и Владимира Соловьёва (1876) (Кара-Мурза, 2020б). Книги приурочены

* Статья подготовлена в ходе проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

к памятным датам и, по замыслу автора, должны пополнить корпус современных исследований, в задачу которых входит разработка новых теоретических подходов к изучению творчества философов, оказавших огромное влияние на интеллектуальное и моральное самочувствие русского общества, на способ его понимания самого себя. Между путешествиями, о которых идет речь, более чем полвека. Это время — от восстания декабристов до разгара террористической охоты на Царя-освободителя — было исторически судьбоносным и определяющим для жизни Империи.

Для философа А. А. Кара-Мурзы, чьи работы на эту тему хорошо известны, обращение к данному периоду жизни русского общества и к событиям жизни выдающихся представителей отечественной интеллектуальной культуры — создателей историософских концепций, задающих метафизическую перспективу национальной истории, кажется объяснимым. Однако выбор сюжетов, связанных с путешествиями, демонстрирует необычный с точки зрения устоявшихся исследовательских подходов и практик ход. Алексей Кара-Мурза предлагает нам авторский опыт философской травелогии, дополняющий и обновляющий традиционные методы философско-исторических и культурно-политических исследований. Целью Кара-Мурзы является реинтерпретация интеллектуального наследия рассматриваемых философов, которая становится возможной благодаря детально документированному воссозданию обстоятельств путешествия, их логистического, топографического, эстетико-культурологического и собственно идейно-философского и политического сценария.

Начало работы в жанре философской травелогии было положено книгой А. А. Кара-Мурзы о швейцарском путешествии Николая Карамзина, вышедшей в год 250-летия со дня рождения главного русского историографа (Кара-Мурза, 2016г). На мой взгляд, эта оригинальная трансформация жанра травелога, который становится событийно-конструктивной основой для философского анализа идей, возникших под влиянием путешествия или во время его совершения, открывает новые возможности для философско-культурологических исследований. В рамках реконструкции событий путешествий русских мыслителей данный подход позволяет выдвинуть интересные и продуктивные соображения и гипотезы, уточняющие или даже изменяющие наши представления о характере творческого процесса и существе формулируемых философами концепций.

В анализе сочинений Кара-Мурзы, их жанрового своеобразия и применяемых исследовательских подходов я коснусь двух важных и, на мой взгляд, репрезентативных для текущего философского процесса моментов: с одной стороны, ситуации в философско-исторической области знания, с другой — способов авторской работы с наследием русской мысли в опоре на имеющуюся исследовательскую традицию и современные практики изучения русской культуры и истории.

Философия российской истории и культуры: современный дискурс

Важно отметить, что российский философский ландшафт продолжает видоизменяться на наших глазах. Эти изменения, как мне представляется, активно затрагивают области философско-исторического и культурфилософского знания, долгое время находившиеся под идеологическим контролем, и для которых «истмат» определял и теоретическое основание, и методологический инструментарий научного поиска. Ревизия советского философского наследия, осуществляемая отечественными и зарубежными авторами в последние три десятилетия, показала, что в идеологической борьбе наиболее пострадали русские исследования, включая собственно историю отечественной мысли, из которой были вымараны и отправлены под запрет целые пласты духовно-интеллектуального наследия¹. Связанные с историей русской мысли философия российской истории и философия русской культуры и вовсе оставались маргинализованными, находясь «под спудом» партийных политико-исторических схем².

Очевидно, за последние 30 лет произошли серьезные трансформации социогуманитарного знания в России. По этому поводу мне неоднократно приходилось принимать участие в дискуссиях и говорить о смене эпистемологических парадигм в российской философии (Жукова, 2012: 140–145, 2019: 22–23). Этот процесс отчетливо прослеживается в исследованиях по философии российской истории и русской культуры. По отмеченным выше причинам можно было бы ожидать высокую заинтересованность ученых в восстановлении преемственности российской интеллектуальной традиции, но говорить о сложении школ пока, видимо, рано. Они находятся в стадии кристаллизации научных направлений и в большей степени, с моей точки зрения, представлены достижениями отдельных исследователей. К таким флагманским направлениям я могу отнести опыт Кара-Мурзы. Текущий анализ состояния философии в России в ее различных институциональных формах показывает, что отечественные ученые, работающие в рамках русских исследований в Институте философии РАН, в университетах и научных центрах, тяготеют к многообразию тем и жанров философского дискурса, при этом их общей

1. Для реабилитации наследия отечественных мыслителей, помимо публикаций их сочинений, большое значение имела исследовательская серия «Философия России первой половины XX века» (гл. редактор Б. И. Пружинин). Репрезентативной работой, демонстрирующей взгляд зарубежных исследователей на русскую философскую традицию и ее развитие в постсоветской России, является книга Алиссы ДеБласио «Конец русской философии. Традиция и смена вех на пороге XXI века» (см.: DeBlasio, 2014).

2. Об этом в своем обстоятельном очерке, предворяющем первую постсоветскую антологию философии российской истории, писали Л. И. Новикова и И. Н. Сиземская. Ссылаясь на «Философскую энциклопедию», они привели исчерпывающее по своему идеологическому наполнению определение философии истории. Уместно его процитировать, чтобы понять эпистемологическую ситуацию в данной предметной области знания, которую российская философия преодолела за четверть века: «В системе современной марксистской философии философия истории не образует самостоятельной отрасли. Соответствующая проблематика разрабатывается преимущественно в рамках исторического материализма, который в известном смысле и есть марксистская философия истории» (см.: Новикова, Сиземская, 1996: 3).

задачей остается поиск адекватного языка описания для русской проблематики. Сохраняется понимание, что концептуальных и методологических средств для реконструкции наследия, создания критической истории русской мысли не хватает (Смит, 2013: 168–178).

Проделана огромная архивная и текстологическая работа по возвращению русской общественной и религиозной мысли в интеллектуальное пространство современной России (корпуса основных философских работ, публицистики, эпистолярного и мемориального наследия авторов XIX — первой половины XX века), однако подобрать «ключ» к жанровому многообразию текстов русской мысли с учетом ее ярко выраженного литературно-художественного, политико-публицистического и религиозного дискурсов по-прежнему непросто.

Не меньшую сложность представляют собой драматические, «травматизирующие» сюжеты собственной истории, требующие «расшивки» как политико-идеологических и экзистенциальных узлов общественной жизни, так и персональной судьбы участника событий. В эту работу, призванную выявить философские основания национально-исторического бытия, в начале 1990-х включились ряд российских авторов, и среди них Алексей Кара-Мурза, как один из ключевых ее участников. По актуальным вопросам социально-культурной и политической идентичности России, выбору пути ее исторического развития была открыта дискуссия, где российский исследователь занял позицию критического пересмотра существующих теорий исторического процесса и вплотную подошел к формулированию концепции цивилизационного развития, понимаемую им как проблема преодоления внутреннего варварства (см.: Ахиезер и др., 1993: 3–39; Панарин и др., 1994: 3–26).

За эти более чем четверть века работы Алексея Кара-Мурзы, демонстрировавшие запрос на обновление концептуальных положений и теоретических подходов к изучению политической и культурной истории России, составили фонд новой философской классики, определяя тематическое и проблемное поле исследований в широком спектре изучения российской либеральной традиции, истории общественной и религиозной мысли, интеллектуальной и культурной истории России и Европы (Кара-Мурза, 1995, 1999, 2018a).

Способ обсуждения и решения научных задач в рамках методологической перенастройки философско-исторического и культурфилософского знания, который предлагает Кара-Мурза, в целом отвечает общему процессу интернационализации российской философии с ее активным стремлением к диалогу с зарубежными школами и направлениями, к освоению актуальных исследовательских практик вне догматизирующей эпистемы социально-исторического знания. Обогащение философии истории подходами, разрабатываемыми в *intellectual history*, *memory studies*, *cultural studies* на стыке *political science*, позволяют российскому исследователю расширить объем и содержание устоявшихся философских понятий культуры, свободы, общества, социального порядка, личности, творчества, культурно-цивилизационной идентичности, произвести их авторскую концептуали-

зацию в процессе доказательства выдвигаемых гипотез (см.: Кара-Мурза, Жукова, 2011; Кара-Мурза, 2012).

Если посмотреть ретроспективно на творчество Кара-Мурзы, то настоящие подходы стали проявлять себя уже в работах, написанных в жанре интеллектуального портрета, который с начала 2000-х стал для ученого ведущим (Кара-Мурза, 2006, 2009, 2014б). Жанр интеллектуального портрета лежит в основе огромного проекта по истории русской либеральной мысли, который продолжался почти 15 лет. Речь, конечно, о задуманной и осуществленной Алексеем Кара-Мурзой энциклопедии российского либерализма «Российский либерализм: идеи и люди», третья, уже двухтомное, издание которой вышло в 2018 году (Кара-Мурза, 2018а).

Опыт реконструкции социально-политической истории России сквозь призму лично-ориентированного подхода Кара-Мурза продолжает развивать в рассматриваемых монографиях о русских путешественниках-интеллектуалах. Его *эпистемологию* российской культурной и политической истории справедливо определить формулой: отечественная история — это история идей и людей, генерирующих данные идеи и воплощающих их в своей судьбе и судьбе страны (Кара-Мурза, 2010, 2016в). Речь идет об авторской, во многом лабораторной работе по поиску новых жанров философского дискурса. По мнению ученого, философские смыслы могут быть обнаружены не только в академических трактатах и системных трудах, но и в оригинальной эссеистике, мемуарных свидетельствах, иных источниках, где предмет исследования локализован событиями творчества, погруженными в биографический контекст. Такие исследования позволяют репрезентировать содержание интеллектуального опыта философов, писателей, художников, и, что особенно важно, реконструировать условия и характер зарождения философской или художественной идеи. Именно этот аспект становится центральным в новых книгах о Чаадаеве и Соловьеве, совершающих путешествия в Европу, в Италию.

Россия и Европа: интеллектуальная история как история творчества

В разножанровых исследованиях по русской истории, культуре и политике А. А. Кара-Мурза сосредотачивается, казалось бы, на традиционной для отечественной мысли теме цивилизационной идентичности России (Кара-Мурза, 2017, 2018в). В своих работах он следует историософской логике русских либеральных мыслителей второй половины XIX — XX века, рассматривавших ключевую для русского самосознания проблему сходства и различия России и Европы. Европейская культура в этом дискурсе понималась как *свое-другое* национальной культуры. Продолжая настоящую линию отечественной философии истории, Кара-Мурза развивает главный исследовательский сюжет, связанный с проблемой культурного универсализма, который он выявляет и устанавливает через смысловые взаимосвязи между Россией и Европой в диалоге идей и творческих сознаний выдающихся авторов культуры (Кара-Мурза, 2016б: 101–106). Через историю

творческих опытов — локальных прецедентов универсальной интеллектуальной истории, углубляющих и расширяющих семиосферу культуры, каждый раз перекрывающих ее образ и переустанавливающих ее смысл, он осуществляет *философскую реконструкцию* культурной истории России, подчеркивая включенность русской культуры в ансамбль европейских культур, специально рассматривая интеллектуальную связь России и Италии (Кара-Мурза, 2009: 50). Творчество русских мыслителей и писателей при этом предстает как констелляция образов, ассоциаций, идей, событий, топосов культуры, прочерчивающих интеллектуальную траекторию в их духовном опыте.

В своих исследованиях, междисциплинарных по характеру, ученый явно старается преодолеть ограниченность узкоспециализированных подходов. Читая статьи и книги Кара-Мурзы, приходишь к выводу, что без привязки к контексту зарождения, генезиса и развития мысли в творческой лаборатории личности философия истории, как абстрактная история идей и концепций, ему не очень интересна. Его исследовательские опыты нельзя в чистом виде назвать историей философии, литературоведением, источниковедением, текстологией. Кара-Мурза работает на стыке философии истории, философии и истории культуры, страноведения. Собственно, эти творческие поиски и привели его к созданию своеобразного синтетического жанра *«философского краеведения»* и близкого ему жанра *«философской травелогии»*.

В творческой лаборатории Кара-Мурзы, в его поиске новых подходов к прочтению культурной и политической истории России следует выделить итальянские штудии. Очерки о пребывании в старинных городах Италии многих знаменитых деятелей отечественной культуры XVIII–XX веков открывают для знатоков и любителей неизвестные страницы русской Италии. Книги Кара-Мурзы равно демонстрируют талант исследователя, который пишет интеллектуальную историю русской Европы, как и талант популяризатора и просветителя, виртуозно владеющего стилями научного и художественного изложения. Красноречивым является тот факт, что многочисленные российские туристы, посещающие Италию, используют книги профессора Алексея Кара-Мурзы о знаменитых русских в Риме, Венеции, Флоренции, Неаполе, Амальфи, Генуе как путеводители, чтобы прикоснуться к знаковым для каждого русского гоголевским местам в Риме, увидеть гостиницу в Вечном городе, где Тургенев создавал «Асю» и «Дворянское гнездо». Нашим соотечественникам интересно больше узнать о великом городе итальянского Возрождения, Флоренции, где в галерее Уффици Чаадаев беседовал со священником Куком, Достоевский писал «Идиота», Чайковский «Пиковую даму», посетить могилы Сергея Дягилева, Игоря Стравинского, Иосифа Бродского в Венеции, пережить неаполитанские приключения Владимира Соловьева и каприйские истории Максима Горького и Ивана Бунина...

И все же, чем объяснить интерес политолога и философа истории к темам вроде бы сугубо культурологическим? На мой взгляд, Алексей Кара-Мурза следует маршрутами своих героев — творцов русской культуры XVIII–XX веков, некогда

открывших культурное пространство Европы и создавших ее русскую ментальную карту, желая включить их в *новый канон культурной истории* России. Справедливо утверждать, что в книгах и статьях представлена важная авторская идея: актуальная интерпретация русской культуры в ее взаимодействии и смысловой взаимообусловленности с европейской культурой подчеркивает не прошлое ради прошлого, но прошлое как живую часть культурного опыта. Влияние Италии на творческое мировосприятие выдающихся представителей русской культуры, эстетический и духовный след, отразившийся в событии творчества, в создании произведения, — одна из прослеживаемых линий в общей задаче философской реконструкции интеллектуальной истории России как истории творчества. Подобно героям своих книг, Алексей Кара-Мурза совершает увлекательное путешествие в «страну святых чудес» — прекрасную Италию, которая становится символическим выражением Запада (Кара-Мурза, 2016а: 16–17).

Справедливо говорить, что путешествие русских интеллектуалов в Европу в дореволюционной России носило своего рода характер инициации. Трудно назвать стремление русских прикоснуться к памятникам и святыням западного мира просто путешествием, подразумевающим цели, как сегодня сказали бы, культурно-образовательного туризма. Путешествие в Европу — это самостоятельная и значимая часть жизни представителей русского образованного класса, которая сродни паломничеству, осуществляемому с духовно-эстетическими целями. Читая итальянские книги Алексея Кара-Мурзы, невозможно освободиться от ощущения, что история путешествий русских в эпоху Империи несет в себе черты утопического сознания человека Средневековья. Как и для средневекового сознания, перемещение в пространстве связано с изменением статуса — теперь не только духовно-нравственного, но и образовательного, профессионального, культурного. Можно согласиться с историком и философом русской культуры Ю. М. Лотманом, что путешествие имеет не только географический смысл — это перемещение в *символическом пространстве*, содержащее в себе «переход из одной локальной ситуации в другую» (Лотман, 2004: 301).

Следуя маршрутами своих героев, Кара-Мурза локализует творческие интенции авторов местом их возникновения, осуществляя впечатляющую реконструкцию жизни и творчества выдающихся творцов русской культуры, где прошлое заново воссоздается и философски переосмысливается исследователем. Показательно, что теория в таком типе исследований идет рука об руку с практикой. Так, в Институте философии РАН появился возглавляемый Алексеем Кара-Мурзой «Итальянский клуб». Его основу составили постоянные участники проектов, связанных с реконструкцией путешествий русских мыслителей, писателей, художников, общественных деятелей в Италию, проводимых ИФРАН при участии НИУ ВШЭ и итальянских партнеров — Флорентийского, Венецианского университетов, Университета г. Бари, Русского дома в Генуе, Русского дома в Риме, Центра культуры и истории Амальфи, Подворья Русской православной церкви в Бари.

В прошлом году пандемия нарушила эти планы, несколько подготовленных и уже имевших афиши мероприятий в Риме и Бари были отменены. Минувшей весной, в историческом месте, в Albergo Cesari, старинном отеле в центре Рима, где в марте 1825 года остановился Николай Иванович Тургенев и куда многократно для встречи с идейным лидером декабристов приходили Петр Яковлевич Чаадаев вместе с Михаилом Фотиевичем Митьковым, должна была состояться вторая часть международного симпозиума (первая прошла в Москве, в ИФРАН, зимой 2020 года), посвященного Николаю Тургеневу и Петру Чаадаеву. Об этой важнейшей встрече в Вечном городе повествует одна из глав новой книги о путешествии Чаадаева. В отеле планировала поселиться группа российских философов — организаторов и участников конференции, чтобы в аутентичном историческом месте провести научное мероприятие. Идея этой историко-культурной реконструкции, конечно, принадлежит автору проекта, Алексею Кара-Мурзе.

Не один год являясь постоянным соорганизатором итальянских экспедиций, привожу планировавшийся проект в качестве примера исследовательской методики А. А. Кара-Мурзы. Как ученого его привлекают биографические детали, связанные с местами создания тех или иных произведений русских философов и писателей в городах России и Европы. Предметные поля его исследований достаточно широкие, их можно определить как антропология путешествий, феноменология восприятия городов, дух и эстетика места, психология и феноменология творческой личности. Я бы могла подобный анализ событий, устанавливающий и интерпретирующий процесс зарождения и развития идеи или образа, воплощающегося в философский или художественный текст, назвать своеобразной *культурно-исторической герменевтикой*.

Несколько новых книг, посвященных путешествиям выдающихся русских мыслителей в Европу — Карамзина, Чаадаева и Вл. Соловьева, вышедших из-под пера Алексея Кара-Мурзы за недавнее время, ярко показывают этот путь методологического перевооружения философско-исторического знания, который представляет собой перспективный и репрезентативный для современного философского процесса опыт формирования новых подходов к постижению русской истории и культуры.

От метанарратива к локальной истории: к генезису «философского краеведения» и «философской травелогии»

Специально выделю, что в 2010-х годах интерес ученого сместился в область, обычно определяемую в западной традиции как *local history* и являющуюся одним из самостоятельных направлений, методологически и концептуально связанных с *intellectual history* и *area studies*. В авторской версии эти локальные культурно-исторические и биографические сюжеты получили название «философского краеведения». Используя метод, названный мною методом «интеллектуального топографирования российской истории» (подробнее см.: Zhukova, 2018), Кара-Мурза

осуществил ряд блестящих исследований. Среди них — восстановленная московская топография Н. А. Бердяева (Кара-Мурза, 2014а: 65–77), Ф. А. Степуна (Кара-Мурза, 2018б: 262–283), флорентийская В. В. Вейдле (Кара-Мурза, 2015: 45–52), римская И. С. Тургенева (Кара-Мурза, 2018г: 124–142), каприйская И. А. Бунина (Кара-Мурза, 2020а: 110–132). В ходе работы ему удалось выявить биографический контекст идей, возникающих в ряде ключевых текстов описываемых периодов, установить образно-символическую связь между философскими (художественно-эстетическими) концептами произведений и визуальной антропологией города.

Так, например, для важнейшей работы Бердяева «Дух и машина», вошедшей в сборник статей «Судьба России» (1914–1917) и раскрывающей его центральную культурно-философскую концепцию — оппозицию духа и материальной культуры как объективацию духа (в этом тексте Бердяев наиболее близок к шпенглеровской оппозиции органической культуры и технической цивилизации) — исследователем был установлен природно-культурный объект — дуб, вдохновивший Бердяева на подобные размышления. Этот дуб «Филимон» находится во дворе дома по Большому Власьевскому переулку, 14, куда выходили окна квартиры Бердяевых (№ 3), живших там с 1915 по 1922 год, до своего изгнания из России (Кара-Мурза, 2014а: 72)³.

В проведенном А. Кара-Мурзой исследовании показано, что написанию «Духа и машины» предшествовало два обстоятельства — активность Бердяева в разгар религиозно-философских дискуссий, спровоцированных Первой мировой войной, и его вынужденное домашнее затворничество вследствие полученной травмы. В 1915 году Бердяев, возвращаясь с очередного выступления, поскользнулся на тонком мартовском льду, сломал ногу и, ограниченный в движении, всю свою энергию направил на творческий процесс. Находясь дома, он вел нескончаемую полемику о духе русской и немецкой культуры с В. Розановым, В. Эрном, Вяч. Ивановым и обвинял своих оппонентов в привязанности к «омертвевшему преданию» славянофилов, компенсируя личные встречи эмоциональными разговорами по телефону (подробнее см.: Жукова, 2017: 547–551).

Залечивая свою травму и не имея возможности свободно перемещаться, Бердяев проводил время, наблюдая из окна за жизнью во внутреннем дворе дома, где росли дубы, и, когда это стало возможно, с помощью родных и друзей выходил туда на краткие прогулки. Старинные дубы (один из которых, «Филимон», жив и сегодня) возбудили воображение Бердяева, и свою философскую идею о примате духа над объективирующей его цивилизацией, о технике, разрывающей органическое единство духа и плоти, он персонифицировал, имея перед глазами образ дуба (Кара-Мурза, 2014а: 72–73). В этом, как казалось, хорошо известном бердяевском тексте, путем установления конкретных обстоятельств жизни и связанных

3. Дополню, что сама квартира, ее сегодняшний адрес был также уточнен автором «Бердяевской Москвы». Мне довелось участвовать в краеведческих походах А. Кара-Мурзы, в результате которых был установлен последний до эмиграции адрес Бердяева, где была написана его статья «Дух и машина».

с ними московских реалий быта и городской среды, открывается глубинный процесс творческого мышления гениального русского мыслителя, его способ *символизации* явлений окружающего мира и их философской концептуализации.

Данный пример техники «философского краеведения», применяемой Кара-Мурзой, весьма показателен. В такой кропотливой работе сказывается, конечно, вкус к прорисовке деталей, свойственный, скорее, знатокам местной истории. Действительно, этим методом исторического краеведения Кара-Мурза, историк по образованию, отлично владеет, избрав своей специализацией философскую Москву и русские топосы Италии. К краеведению иногда принято относиться как к любительской традиции, но если понимать краеведение шире, имея в виду *общественно значимую практику* по сохранению культурно-исторической памяти, то оно приобретает совсем иной статус в структуре гуманитарного знания. Неслучайно у истоков российского-советского краеведения стоит один из корифеев русской исторической школы — Иван Михайлович Гревс, строивший воспитание своих студентов на принципе непосредственного погружения в историческую среду обитания памятника — артефакта культуры, для чего совершал с учениками научно-образовательные экспедиции по пригородам Санкт-Петербурга и в любимую им Италию, предмет его профессионального интереса как историка-медиевиста (Гревс, 1903). Справедливо замечание Д. С. Лихачева, считавшего, что именно в краеведении открывается прошлое, происходит его очеловечивание и одухотворение — осуществляется важнейшая философская функция рецепции истории, ее духовно-нравственной и интеллектуальной рефлексии через включение в *память места*. «Когда мы узнаем, кто жил в том или ином доме, какая жизнь протекала в нем, что в нем было создано, дом этот для нас уже особый. Он наполняется духовным содержанием, преобразуется. Преобразуется и город, чью историю мы познаем. Преобразуется ландшафт, если мы знаем, какие события в нем происходили, какие битвы тут разыгрывались, чьи судьбы решались», — пишет он (Лихачев, 2006: 329).

Как мне представляется, за вниманием Кара-Мурзы к местной, локальной истории во многом стоит желание отойти от больших исторических нарративов, в создании которых очень часто возникает соблазн построения непротиворечивой схемы — стройной философской концепции. Это возвращает нас к началу разговора о ситуации в философии российской истории, преодолевающей наследие генерализующих идеологических подходов. Выскажу предположение, что очерки и эссе Кара-Мурзы о русских мыслителях, в которых акцент ставится на конкретные обстоятельства места и времени их жизни в статике (родной город) и динамике (путешествие) — это разрабатываемая историком и философом возможная методологическая альтернатива, осуществляемая им оригинальная исследовательская практика по *добыванию* новых фактов национальной истории и их толкованию.

Согласимся, что главным вопросом для каждого философа истории и культуры остается вопрос, *с чем он имеет дело?* Сошлюсь на Эрнста Кассирера, поставив-

шего его в «Опыте о человеке». Если прошлое ушло безвозвратно, что остается историку? «Все, что можно сделать, — рассуждает Кассирер, — это „вспомнить“ прошлое, т. е. дать ему новое, идеальное существование. Не эмпирическое наблюдение, а идеальное воссоздание, реконструкция — вот первый шаг в историческом знании» (Кассирер, 1998: 647; курсив мой. — О. Ж.). Если историк не может «проникнуть в формы прежней жизни», то какую реальность он изучает? Кассирер настаивает, что историк «должен считаться со своими источниками». Но что считать источником? «Источники, — пишет Кассирер, — не физические вещи в обычном смысле этого слова. Они заключают в себе новый и особый момент. Историк, так же как и физик, живет в материальном мире. Однако то, с чем он имеет дело, начиная исследование, — это не мир физических объектов, а символический универсум — мир символов. Мы должны научиться прежде всего понимать эти символы», — заключает философ (Кассирер, 1998: 647–648).

Возможна ли подобная материализация духа прошлого, к которому Кассирер призывает относиться не как к окаменевшим фактам, а как к живым формам, чтобы «собрать вместе все эти *dissecta membra*, разрозненные члены тела прошлого, синтезировать и отлить их в новую форму»? (Кассирер, 1998: 650). Такое извлечение прошлого из небытия и превращение его в новое знание о нем может быть осуществлено при соблюдении определенных исследовательских процедур и подходов. Кара-Мурза таким условием верификации прошлого считает детальную проработку личностной истории, которая, при помещении ее в общий историко-культурный контекст, дает нам наиболее четкую картину, совмещающую субъективный и объективный фокусы. Личностный фактор, работающий в культурной истории, смещает угол зрения Алексея Кара-Мурзы от генерализующего к индивидуализирующему, но при этом он стремится к особому рода объективности.

Философская тематизация травелога: опыты идеальной реконструкции

Такой подход позволил, на мой взгляд, в книге о путешествии Петра Чаадаева в Италию показать карту его маршрута как ментальную — как событие сознания и тех духовно-интеллектуальных изменений, которые лежат в основе его творческой эволюции как философа. Изменив первоначальному плану посетить только Германию, Англию и Францию, молодой Чаадаев проехал через четыре государства, расположенные на территории современной Италии (Сардинское королевство, Великое герцогство Тосканское, Папское государство и Ломбардо-Венецианское королевство, входившее в состав Австрийской империи), с наиболее продолжительными остановками во Флоренции и Риме.

События пребывания в этих уникальных городах Италии, а также скрупулезно восстановленный маршрут русского путешественника на основе скупых эпистолярных свидетельств самого Чаадаева в сопоставлении с другими источниками — прямыми и косвенными, дал существенный прирост знания не только о сценарии путешествия, посещенных городах и культурных памятниках (отлично зная тра-

диционные «перегоны» между главными точками назначения, Кара-Мурза безошибочно восстанавливает этот путь, хотя сам Чаадаев не всегда оставляет нам такие свидетельства), но и о размышлениях и направленности мысли Чаадаева от встречи с людьми и историческими местами. Так, включая в маршрут Алессандро, «столицу» пьемонтской революции 1821 года, Кара-Мурза реконструирует возможный ход мысли недавно вышедшего в отставку русского офицера Чаадаева, который именно здесь, в этом месте, мог быть вовлечен в кампанию по подавлению пьемонтского восстания, которую готов был развязать Александр I, «увлеченный идеями “Священного союза”» (Кара-Мурза, 2019б: 15–16).

Автору книги удастся убедить читателя, что именно во Флоренции и Риме у Чаадаева сложились основные положения его историософской концепции «Философических писем», как и само желание быть философом, на которое значительное влияние оказал методистский священник-миссионер Чарльз Кук, несколько часов проведенный в беседе с Чаадаевым в знаменитой лоджии второго этажа галереи Уффици 31 января 1825 года. Именно об этой встрече как о самом важном событии своей интеллектуальной жизни говорил сам Чаадаев (Там же: 21). В свете формирующейся у Чаадаева цели стать свободным философом более понятным становится и его возвращение в Россию в самый разгар расправы над декабристами, обезоружившее своим мужеством, как пишет Кара-Мурза, даже Николая I (Там же: 57).

Совмещение в книге этой личностной и объективно-исторической оптики, документированной и фактографированной (вплоть до аутентичных по времени иллюстраций городов, художественно-культурных и природных памятников, передающих для читателя визуальный опыт русского путешественника), дает особого рода эффект объективно полученного знания. Такого рода историческая объективность, основанная на сочетании фактов личностных и внешне-объективных, их концептуальном отборе, открывает возможность для *идеальной* (воображаемой, но достоверной) *реконструкции*, которую допускал и легитимировал Кассирер (Кассирер, 1998: 647).

Во многих своих работах А. Кара-Мурза работает как текстолог и герменевтик, рассматривая текст культуры с позиции его современников. При этом он имеет дело не только с фактом истории, но и с артефактом культуры — текстом — авторским высказыванием, разделенным с современным читателем временем. По словам Ю.М. Лотмана, задача исследователя здесь близка задаче дешифровщика. «Текст всегда кем-то и с какой-то целью создан, событие предстает в нем в зашифрованном виде, — полагает Лотман. — Историк предстоит прежде всего выступить в роли дешифровщика. Факт для него не исходная точка, а результат трудных усилий. Он сам создает факты, стремясь извлечь из текста внетекстовую реальность, из рассказа о событии — событие» (Лотман, 2004: 336).

Алексей Кара-Мурза в своих новых травелогах не только дешифрует, но и создает факты. Его усилие по добыванию факта сопряжено с их отбором. Исследователь тщательно работает с фактами, производит их селекцию, поскольку факт

важен не только сам по себе, но как *причина*, приводящая к некоторому социальному и личностно-творческому результату. По справедливому замечанию Кассирера, «факт становится исторически значимым, если он чреват последствиями» (Кассирер, 1998: 671). Об этом напоминает и Лотман. По его словам, «понятие „восстановить прошлое“ подразумевает выяснение фактов и установление связей между ними» (Лотман, 2004: 335).

Есть некоторый вызов в том, что именно автор этой цитаты — блестящий знаток русской культуры Юрий Лотман, становится заочным оппонентом для Алексея Кара-Мурзы в книге о швейцарском путешествии Н. М. Карамзина, упомянутой мною в самом начале. Книга строится на анализе ключевого текста русской культуры «Писем русского путешественника», где Кара-Мурза пересматривает концепцию Лотмана, изложенную им в фундаментальном труде «Сотворение Карамзина», и предлагает новое прочтение важнейшего сюжета русской культуры (Кара-Мурза, 2016г: 11). Он убедительно доказывает, что Карамзин оказался вынужденным путешественником — беглецом, отправленным Новиковым и кругом близких к нему людей в Европу, «подалее от глаз» императрицы Екатерины II в период усиливающихся гонений на масонов (Там же: 21).

По деталям текста самого Карамзина, ранее казавшимся исследователям второстепенными, и ряду других источников о пребывании Карамзина в швейцарских городах, выявленными также другими учеными, ему удастся оспорить концепцию Лотмана, что Карамзин, якобы исчезнувший из вида на некоторое время в Женеве, тайно ездил в Париж «смотреть» на революционные события. Лотман, увлеченный своей концепцией (Там же: 67–68), как будто бы переступает через выдвигаемое им требование тщательной селекции и сопоставления фактов. Кара-Мурза, напротив, этому требованию неукоснительно следует, доказывая, с опорой на текст «Писем русского путешественника», что в Женеве Карамзин пережил тяжелую душевную болезнь, объясняющую крайнюю скромность «женевских фрагментов» (Там же: 70).

В травелогах Кара-Мурзы, на мой взгляд, в чистом виде присутствует *философская мнемотехника* культурной истории, которая преодолевает ограниченность и коммуникативную замкнутость как классического краеведения, так и популярной травелогии⁴. Уместно здесь сказать, что «Русская Италиана» Алексея Кара-Мурзы — книги серии «Знаменитые русские о городах Италии», вышедшие

4. Пик читательской востребованности жанра травелога пришелся на первое десятилетие XXI в., причину чего следует искать в появившейся возможности россиян «инвестировать в себя и путешествовать по миру» (Казакова, 2016: 10). В этот период в издательстве «Независимой газеты» А. А. Кара-Мурза выпустил серию книг, героями которой стали знаменитые русские, путешествующие по великим городам Италии. В этом контексте отмечу, что травелог как путевой дневник и беллетризированный рассказ о путешествии — давно сформировавшийся жанр европейской и русской литературы, имеющий богатую традицию изучения за рубежом и в России (Милюгина, Строганов, 2013; Шёнле, 2004; Шпак, 2016: 261–262; Bohls, 2005; Demaqaу, 2006). У современных исследователей внимание к данному направлению литературы устойчиво растет (Печерская (ред.), 2016: 18). Травелог рассматривается одновременно и как жанр нон-фикшн (Сорочан, 2011: 380), и как исторический нарратив (Русаков, Русакова, 2014: 14–20), и как форма повествования, расширяющая представления

в начале 2000-х, в немалой степени способствовали ренессансу жанра травелога, и почти через сто лет после выхода знаменитых «Образов Италии» Павла Муратова (1911–1912) напомнили русскому читателю о любви к этой стране с богатейшей культурной историей и красивейшей природой и восстановили тем самым преемственность с традицией путешествий русских интеллектуалов в колыбель европейской цивилизации и культуры.

В книгах о знаменитых русских в городах Италии, значительно расширенную версию которых А. А. Кара-Мурза опубликовал в Издательстве Ольги Морозовой почти через 15 лет, выражен интерес философа и историка к жанровой вариативности травелога, к его эффектному сочетанию разных техник наррации с использованием приемов художественной литературы и документального повествования. По мнению философа, приводимые им художественные, эпистолярные, мемуарные свидетельства составляют событие экзистенциального порядка, в основе которых лежит живой опыт знакомства и постижения истории, быта, общественных установлений, традиций и духовных практик итальянской культуры методом «включенного наблюдения». В Италии, как в зеркале «сказки о сохраненном времени» (Кара-Мурза, 2019а: 11), отражается русская культура, мысль героя о себе и жизни русского общества.

Новые исследования о Чаадаеве и Соловьеве пополняют антологию итальянских путешествий русских интеллектуалов и художников. Кара-Мурза заинтересовывает читателя сюжетной интригой травелога, открывающего «окно» во внутренний мир героя на фоне захватывающих воображение перипетий поездки. Определяя для читателя позицию «включенного наблюдателя», он создает впечатление 3D-реальности, позволяя следить за окружающим путешественника реалиями, как будто бы его глазами. Текст сопровождают иллюстрации, помогающие перемещать читателя во времени и пространстве и видеть на картинах, рисунках и фотографиях того времени то, что непосредственно наблюдал герой путешествия (или мог видеть, согласно идеальной реконструкции автора книги). Кара-Мурза стремится показать, помимо истории места и сюжета путешествий, опыт *восприятия места*, дать рассказ о том, «что и как» становится *событием жизни* молодых философов и обнаруживает себя уже как идея в их основных произведениях.

Развитием этой исследовательской интенции является книга о путешествии по югу Италии молодого Владимира Соловьева весной 1876 года. Свой замысел автор объясняет интересом к личности Соловьева и особенностям психологии его творчества. Он дает яркий интеллектуальный портрет двадцатидвухлетнего магистра философии Владимира Соловьева, который, отправившись в научную поездку с Лондон, оказался сначала в Египте, а потом на неаполитанском побережье, в Сорренто. В этом поэтичнейшем городе, уникальное сочетание природы и культуры которого воспел один из основателей русской пейзажной школы Сильвестр

человека о самом себе и своих знаниях о мире (Полонский, 2015: 207; Фортунатов, Фортунатов, Фортунатова, 2018: 215–223).

Щедрин, в отеле Cocomella, который существует и по сей день⁵, развернулась подлинная драма любви и болезни молодого философа. Именно здесь Соловьев на французском языке написал основные фрагменты религиозно-философского трактата «Sofia». Для исследователей творчества Соловьева этот текст все еще представляет собой некоторую загадку. Но очевидно, что положения, которые Соловьев попытался в нем сформулировать, предвосхищают и во многом определяют ключевые идеи его метафизики всеединства, являясь своеобразным проектом оригинальной религиозно-философской системы (Козырев, 1992: 152–170).

По характеру изложения исследование Кара-Мурзы напоминает, скорее, *расследование* обстоятельств написания этого трактата, которые были осложнены травмой, полученной Соловьевым при восхождении на Везувий. Основываясь на переписке Соловьева и многочисленных свидетельствах мемуаристов, Кара-Мурза восстанавливает ранее неизвестные исследователям детали жизни философа в Сорренто. Он показывает, что русский путешественник едва остался живым после падения с лошади на Везувии, и, получая помощь и участие своей соотечественницы, Надежды Ауэр, пережил смешанный опыт внезапного любовного чувства и интеллектуальной фантазии, повлиявший на философское содержание трактата «Sofia» (Кара-Мурза, 2020б: 24–32). Это проникновение в обстановку написания трактата, основные фрагменты которого были созданы в Сорренто, значительно проясняет психологический и интеллектуальный профиль личности Владимира Соловьева, визионерский способ его философствования и мысленный строй социологической концепции.

В книге в полной мере воплощается жанровое своеобразие «философского травелога», где подход к истории как к культурному преданию, культурному мифу, создаваемому личностью, позволяет осуществить философскую рефлексию и *тематизировать*, или «кристаллизовать», как предпочитает говорить Алексей Кара-Мурза, философскую проблематику, извлекаемую из событий жизни и сублимируемых в тексты — произведения культуры, вдохновленные (спровоцированные) событиями путешествия.

Метод персонализации и локализации истории событиями творчества Алексея Кара-Мурзы делает возможным понимание характера новаций, вносимых творческой личностью в философские, художественные и литературные традиции русской и европейской культуры по отношению к предшествующим творческим опытам. Как мы видим, такой метод приносит свои научные плоды — дает приращение исторического знания и философского смысла в рамках традиции изучения ключевых фигур русской мысли — Чаадаева и Соловьева. Своеобразная индуктивная техника исследования, применяемая в философских травелогах Кара-Мурзой, восстанавливает внутреннюю логику событий творчества. Она нацелена на выявление психологической и интеллектуальной взаимосвязи творческого самосознания автора с влияющими на него артефактами культуры, символическими

5. Осенью 2015 года группа философов из ИФРАН и НИУ ВШЭ посетила соловьевские места в Сорренто в рамках программы международного симпозиума в г. Амальфи.

пространствами городов, образами русской и европейской культуры, впечатлениями от личных встреч и пережитых чувств.

Когда настоящая статья находилась в завершающей стадии подготовки, автор книг о русских мыслителях-путешественниках сообщил мне, что начал работу над очередной монографией в жанре философской травелогии, которая будет озаглавлена «Путешествия в Африку и Палестину Ильи Фондаминского (1923–1928)». Героем следующей книги Алексея Кара-Мурзы станет философ и революционер, бывший эсер, пересмотревший в эмиграции свои взгляды на русскую политику и религиозную культуру, принявший православие и погибший в Освенциме. Согласно гипотезе ученого, исследуемый сюжет поездки Фондаминского в Северную Африку и Палестину позволяет акцентировать внимание на историософской концепции российского политика и философского публициста, оценить мировоззренческие изменения в умственном и моральном строе личности. Выбирая эту фигуру в качестве предмета изучения, Кара-Мурза продолжает развивать философский дискурс травелогии в рамках исследований российской интеллектуальной истории, и ставит перед собой взаимосвязанную задачу по реконструкции и одновременно критическому пересмотру имеющихся источников.

Метод «схватывания» и воссоздания исторического и идейного контекста по малоизвестным или слабовыявленным деталям биографического, текстологического, философского и культурологического содержания российский философ продолжает разрабатывать, предпочитая, по его словам, устанавливать «маленькую научную правду». Исследователь настаивает, что проблема нашего философского «незнания России», непонимания ее историко-культурных и политических процессов заключается в бесконечной трансляции «больших полуправд», в то время как важен добытый верифицированный факт, извлеченный из исторического «шума» и на первый взгляд иногда совершенно разрозненных, даже периферийных свидетельств. Это пусть небольшое, но подлинное научное открытие, найденный, реконструированный или, напротив, деконструированный факт (как в случае с поездкой Карамзина, когда мотивация путешествия оказывается совсем иной), на поверку, как мы можем видеть в его философских травелогах, не просто добавляет что-то к нашим представлениям об исследуемом предмете, но может менять видение проблемы в целом.

У исследователя есть четкое понимание о границах применимости используемого метода, что доказывает его эвристическую значимость и научную легитимность. Важно то, что результаты работы А. А. Кара-Мурзы в жанре философской травелогии дают ощутимый прирост знаний об обстоятельствах и содержании творчества русских мыслителей, уточняют биографическую канву жизни, позволяют пересмотреть устоявшиеся интерпретации их ключевых произведений и наследия в целом и, как следствие, что особо ценно для научной практики, открывают новую перспективу для российских историко-философских и культурно-политических исследований. Остается только добавить, что книги о путешествиях Чаадаева и Соловьева, помимо их научного значения, полностью соответствуют

задаче литературы нон-фикшн. Тексты философских травелогов Алексея Кара-Мурзы увлекательны, высокоинформативны и познавательны, поэтому у них всегда будут читатели — и знатоки, и любители.

Литература

- Ахиезер А. С., Васильев Л. В., Хорос В. Г., Чешков М. А., Сумский В. В., Кара-Мурза А. А., Седов Л. А., Матвеева С. Я., Фурман Д. Е., Панарин А. С., Рашковский Е. Б., Ядов В. А.* (1993). Российская модернизация: проблемы и перспективы: материалы круглого стола // Вопросы философии. № 7. С. 3–39.
- Гревс И. М.* (1903). Очерки флорентийской культуры 1903–1905. М.: Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Ко.
- Жукова О. А.* (2012). Философия в публичном пространстве // Философские науки. № 7. С. 140–145.
- Жукова О. А.* (2017). Философия русской культуры: метафизическая перспектива человека и истории. М.: Согласие.
- Жукова О. А.* (2019). Опыт о русской культуре: философия истории, литературы и искусства. М.: Согласие.
- Казакова Г. М.* (2016). Нон-фикшн в современной книжной культуре // Вестник культуры и искусств. № 3. С. 7–12.
- Кара-Мурза А. А.* (1995). «Новое варварство» как проблема российской цивилизации. М.: ИФРАН.
- Кара-Мурза А. А.* (1999). Как возможна Россия? М.: Советский спорт.
- Кара-Мурза А. А.* (2006). Интеллектуальные портреты: очерки о русских политических мыслителях XIX–XX вв. Вып. 1. М.: Институт философии РАН.
- Кара-Мурза А. А.* (2009). Интеллектуальные портреты: очерки о русских мыслителях XIX–XX вв. Вып. 2. М.: Институт философии РАН.
- Кара-Мурза А. А.* (2010). А. И. Герцен: в поисках русской личности // Вопросы философии. № 2. С. 86–92.
- Кара-Мурза А. А.* (2012). Как идеи превращаются в идеологии: российский контекст // Философский журнал. № 2. С. 27–44.
- Кара-Мурза А. А.* (2014а). Бердяевская Москва (опыт философского краеведения) // Философские науки. № 4. С. 65–77.
- Кара-Мурза А. А.* (2014б). Интеллектуальные портреты: очерки о русских мыслителях XIX–XX вв. Вып. 3. М.: Институт философии РАН.
- Кара-Мурза А. А.* (2015). Флоренция В. В. Вейдле (опыт философского краеведения) // Философские науки. № 7. С. 45–52.
- Кара-Мурза А. А.* (2016а). Знаменитые русские о Флоренции. М.: Изд-во Ольги Морозовой.
- Кара-Мурза А. А.* (2016б). Карамзин, Шаден и Геллерт: к истокам либерально-консервативного дискурса Н. М. Карамзина // Филология: научные исследования. № 1. С. 101–106.

- Кара-Мурза А. А.* (2016в). Тяжба о Карамзине: юбилейные заметки // Вопросы философии. № 12. С. 106–110.
- Кара-Мурза А. А.* (2016г). Швейцарские странствия Николая Карамзина (1789–1790). М.: Аквилон.
- Кара-Мурза А. А.* (2017). Россия как «Север». Метаморфозы Национальной идентичности в XVIII–XIX вв.: Г. Р. Державин // Философские науки. № 8. С. 121–134.
- Кара-Мурза А. А.* (ред.) (2018а). Российский либерализм: идеи и люди: В 2 т. 3-е изд. М.: Новое издательство.
- Кара-Мурза А. А.* (2018б). Москва «до» и «после» революции: социология родного города в сочинениях Федора Степуна // Социологическое обозрение. Т. 17. № 2. С. 262–283.
- Кара-Мурза А. А.* (2018в). Проблема «Россия и Европа» в эмигрантских трудах В. В. Вейдле // Философский журнал. Т. 11. № 4. С. 139–152.
- Кара-Мурза А. А.* (2018г). Рим Ивана Тургенева (1840) // Философские науки. № 7. С. 124–142.
- Кара-Мурза А. А.* (2019а). Знаменитые русские о Венеции. М.: Издательство Ольги Морозовой.
- Кара-Мурза А. А.* (2019б). Итальянское путешествие Петра Чаадаева (1824–1825). М.: Аквилон.
- Кара-Мурза А. А.* (2020а). Остров Капри Ивана Бунина // Философские науки. Т. 63. № 6. С. 110–132.
- Кара-Мурза А. А.* (2020б). Сорренто Владимира Соловьева (1876). М.: Аквилон.
- Кара-Мурза А. А., Жукова О. А.* (2011). Свобода и вера: христианский либерализм в российской политической культуре. М.: Институт философии РАН.
- Кассирер Э.* (1998). Избранное. Опыт о человеке. М.: Гардарики.
- Козырев А. П.* (1992). Парадоксы незавершенного трактата: к публикации перевода французской рукописи В. Соловьева «София» // Логос. № 2. С. 152–170.
- Лихачев Д. С.* (2006). Воспоминания. Раздумья. Работы разных лет: В 3 т. Т. 2. СПб.: АРС.
- Милюгина Е. Г., Строганов М. В.* (2013). Русская культура в зеркале путешествий. Тверь: Твер. гос. ун-т.
- Новикова Л. И., Сиземская И. Н.* (1996). Парадигма русской философии истории // Очерк русской философии истории. М.: ИФРАН. С. 3–107.
- Печерская Т. И., Константинова Н. В.* (ред.) (2016). Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы. Новосибирск: Изд-во НГПУ.
- Полонский А. В.* (2015). Травелог и его место в современной журналистике // Вестник ТвГУ. «Филология». № 1. С. 207–215.
- Панарин А. С., Новикова Л. И., Кара-Мурза А. А., Дилигенский Г. Г., Кульпин Э. С., Перламутров В. Л., Королев С. А., Пантин И. К.* (1994). Риск исторического выбора в России (материалы круглого стола) // Вопросы философии. № 5. С. 3–26.
- Русаков В. М., Русакова О. Ф.* (2014). Методология дискурс-исследования травелога // Дискурс ПИ. № 4. С. 14–20.

- Смит О. (2013). К современным дискуссиям о специфике и развитии русской философской традиции // Соловьевские исследования. Вып. 1. Иваново. С. 168–178.
- Сорочан А. (2011). Туда и обратно: новые исследования литературы путешествий и методология гуманитарной науки // Новое литературное обозрение. № 6. С. 379–402.
- Фортунатов Н. М., Фортунатов А. Н., Фортунатова В. А. (2018). Русское путешествие как национальный миф и форма субъектности // *Philology and Culture*. № 4. С. 215–223.
- Шёнле А. (2004). Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий. 1790–1840. СПб.: Академический проект.
- Шнак Г. В. (2016). Травелог: поиск универсальной дефиниции: четыре стратегии репрезентации пространства // *Преподаватель XXI век*. № 2–3. С. 261–277.
- Bohls E. (2005). *Travel Writing 1700–1830*. Oxford: Oxford University Press.
- DeBlasio A. (2014). *The End of Russia Philosophy: Tradition and Transition at the Turn of the 21th Century*. London: Palgrave Macmillan.
- Demaray G. (2006). *From Pilgrimage to History: The Renaissance and Global Historicism*. New York: AMS Press.
- Zhukova O. (2018). The Locus of Creativity: Alexei Kara-Murza and His Intellectual Topography of Russian History // *Russian Studies in Philosophy*. Vol. 56. № 2. P. 73–87.

Philosophical Travelogy as a Cultural and Political Research Method

Olga A. Zhukova

DSc in Philosophy, Professor, School of Philosophy and Cultural Studies, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics

Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, Russian Federation 101000

E-mail: logoscultura@yandex.ru

This article is devoted to new books written by Alexey Kara-Murza, a Russian philosopher and political scientist. Kara-Murza is the author of numerous works on the philosophy of Russian history and culture and Russian social thought, successfully working in the original genres of philosophical travelogy and philosophical local history. Russian-European and Russian-Italian cultural interactions have been the subject of Alexey Kara-Murza's scientific interest for many years. The new monographs explore the political circumstances as well as the key biographical voyage plots to Italy of the outstanding Russian thinkers Pyotr Chaadaev (1824–1825), and Vladimir Solovyov (1876). According to Alexey Kara-Murza, these trips determined the intellectual identity of the two Russian authors as well as the spiritual and philosophical horizon of their work. Kara-Murza consistently develops a central thesis about the intellectual relationships between Europe and Russia. He interprets the dialogue of cultures as a story of creativity, and comprehends the journey as a special way of the philosophical reception of culture and creative self-identification. Kara-

Murza's cultural and political studies in his philosophical travelogue genre, as well as the method he developed which helped the philosopher reconstruct the intellectual experience of Russian thinkers in the context of the history of Russian and European culture, are critically analyzed in this article.

Keywords: philosophical travelogue, cultural and political studies, Russian thought, personality, philosophy of history and culture, cultural myth, reconstruction

References

- Akhiezer A., Vasiliev L., Khoros V., Cheshkov M., Sumsy V., Kara-Murza A., Sedov L., Matveeva S., Furman D., Panarin A., Rashkovsky E., Yadov V. (1993) Rossijskaya modernizaciya: problemy i perspektivy: materialy kruglogo stola [Russian Modernization: Problems and Prospects: Materials of the Round Table]. *Voprosy Filosofii*, no 7, pp. 3–39.
- Bohls E. (2005) *Travel Writing 1700–1830*, Oxford: Oxford University Press.
- Cassirer E. (1998) *Izbrannoe. Opyt o cheloveke* [Selected Works: The Essay on Man], Moscow: Gardariki.
- DeBlasio A. (2014) *The End of Russia Philosophy: Tradition and Transition at the Turn of the 21st Century*, London: Palgrave Macmillan.
- Demaray G. (2006) *From Pilgrimage to History: The Renaissance and Global Historicism*, New York: AMS Press.
- Fortunatov N., Fortunatov A., Fortunatova V. (2018) Russkoe puteshestvie kak nacional'nyj mif i forma sub'ektnosti [Russian Journey as a National Myth and a Form of Subjectivity]. *Philology and Culture*, no 4, pp. 215–223.
- Graves I. (1903) *Ocherki florentijskoj kul'tury 1903–1905* [Essays on Florentine Culture, 1903–1905], Moscow: I. N. Kushnerev & Co.
- Kazakova G. (2016) Non-fikshn v sovremennoj knizhnoj kul'ture [Non-fiction in Modern Book Culture]. *Bulletin of Culture and Arts*, no 3, pp. 7–12.
- Kara-Murza A. (1995) "Novoe varvarstvo" kak problema rossijskoj civilizacii ["New Barbarity" as a Problem of Russian Civilization], Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.
- Kara-Murza A. (1999) *Kak vozmozhna Rossiya?* [How Russia is Possible?], Moscow: Soviet sport.
- Kara-Murza A. (2006) *Intellektual'nye portrety: ocherki o russkikh politicheskikh myslitelyah XIX — XX vv. Vyp. 1* [Intellectual Portraits: Essays on Russian Political Thinkers of the 19th–20th Centuries, Issue 1], Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.
- Kara-Murza A. (2009) *Intellektual'nye portrety: ocherki o russkikh myslitelyah XIX — XX vv. Vyp. 2* [Intellectual Portraits: Essays on Russian Political Thinkers of the 19th–20th Centuries, Issue 2], Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.
- Kara-Murza A. (2010) A. I. Gercen: v poiskah russkoj lichnosti [A. I. Herzen: In Search of the Russian Personality]. *Voprosy Filosofii*, no 2, pp. 86–92.
- Kara-Murza A. (2012) *Kak idei prevrashchayutsya v ideologii: rossijskij kontekst* [How do Ideas Turn into Ideologies: The Russian Context]. *Philosophical Journal*, no 2, pp. 27–44.
- Kara-Murza A. (2014) *Berdyaevskaya Moskva (opyt filosofskogo kraevedeniya)* [Berdyayev Moscow (An Essay in Philosophical Local History)]. *Philosophical Sciences*, no 4, pp. 65–77.
- Kara-Murza A. (2014) *Intellektual'nye portrety: ocherki o russkikh myslitelyah XIX — XX vv. Vyp. 3* [Intellectual Portraits: Essays on Russian Political Thinkers of the 19th–20th Centuries, Issue 3], Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.
- Kara-Murza A. (2015) *Florenciya V.V. Vejdle (opyt filosofskogo kraevedeniya)* [Florence by V. Veidle] (An Essay in Philosophical Local History). *Philosophical Sciences*, no 7, pp. 45–52.
- Kara-Murza A. (2016) *Znamenitye russkie o Florencii* [Famous Russians about Florence], Moscow: Olga Morozova Publishing House.
- Kara-Murza A. (2016) Karamzin, Shaden i Gellert. K istokam liberal'no-konservativnogo diskursa N. M. Karamzina [Karamzin, Schaden, and Gellert: Toward the Origins of the Liberal-Conservative Discourse of N. M. Karamzin]. *Philology: Scientific Research*, no 1, pp. 101–106.

- Kara-Murza A. (2016) Tyazhba o Karamzine: yubilejnye zametki [The Karamzin Debate: Anniversary Notes]. *Problems of Philosophy*, no 12, pp. 106–110.
- Kara-Murza A. (2016) *Shvejcarskie stranstviya Nikolaya Karamzina (1789–1790)* [The Swiss Wanderings of Nikolai Karamzin (1789–1790)], Moscow: Aquilon.
- Kara-Murza A. (2017) Rossiya kak “Sever”: metamorfozy nacional’noj identichnosti v XVIII-XIX vv.: G. R. Derzhavin [Russia as the “North”: Metamorphoses of National Identity in the 18th–19th Centuries: G. R. Derzhavin]. *Philosophical Sciences*, no 8, pp. 121–134.
- Kara-Murza A. (ed.) (2018) *Rossijskij liberalizm: idei i lyudi* [Russian Liberalism: Ideas and People], Moscow: New Publishing House.
- Kara-Murza A. (2018) Moskva “do” i “posle” revolyucii: sociologiya rodnogo goroda v sochineniyah Fedora Stepuna [Moscow “before” and “after” the Revolution: The Sociology of the Native City in the Works of Fyodor Stepun]. *Russian Sociological Review*, vol. 17, no 2, pp. 262–283.
- Kara-Murza A. (2018) Problema “Rossiya i Evropa” v emigrantskikh trudah V. V. Vejdle [The problem of “Russia and Europe” in the Emigrant Works of V. V. Veidle]. *Philosophical Journal*, vol. 11, no 4, pp. 139–152.
- Kara-Murza A. (2018) Rim Ivana Turgeneva (1840) [Rome of Ivan Turgenev (1840)]. *Philosophical Sciences*, no 7, pp. 124–142.
- Kara-Murza A. (2019) *Znamenitye russkie o Venecii* [Famous Russians about Venice], Moscow: Olga Morozova Publishing House.
- Kara-Murza A. (2019) *Ital’yanskoe puteshestvie Petra Chaadaeva (1824–1825)* [The Italian Journey of Peter Chaadaev (1824–1825)], Moscow: Aquilon.
- Kara-Murza A. (2020) Ostrov Kapri Ivana Bunina [Ivan Bunin’s Island of Capri]. *Philosophical Sciences*, vol. 63, no 6, pp. 110–132.
- Kara-Murza A. (2020) *Sorrento Vladimira Solov’eva (1876)* [Sorrento of Vladimir Solovyov (1876)], Moscow: Aquilon.
- Kara-Murza A., Zhukova O. (2011) *Svoboda i vera: hristianskij liberalizm v rossijskoj politicheskoy kul’ture* [Freedom and Faith: Christian Liberalism in Russian Political Culture], Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.
- Kozyrev A. (1992) Paradoksy nezavershennogo traktata: k publikacii perevoda francuzskoj rukopisi V. Solov’eva Sofiya [Paradoxes of an Unfinished Treatise: On the Publication of a Translation of French Manuscript of Sofia by V. Solovyov]. *Logos*, no 2, pp. 152–170.
- Likhachev D. (2006) *Vospominaniya. Razdum’ya. Raboty raznyh let. T. 2* [Memories, Thoughts, Works of Different Years, Vol. 2], Saint Petersburg: ARS.
- Milyugina E., Stroganov M. (2013) *Russkaya kul’tura v zerkale puteshestvij* [Russian Culture in the Mirror of Travel], Tver: Tver State University.
- Novikova L., Sizemskaya I. (1996) Paradigma russkoj filosofii istorii [The Paradigm of the Russian Philosophy of History]. *Ocherk russkoj filosofii istorii* [An Essay on Russian Philosophy of History], Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, pp. 3–107.
- Pecherskaya T., Konstantinova N. (eds.) (2016) *Russkij travelog XVIII–XX vekov: marshruty, toposy, zhanry i narrativy* [Russian Travelogue of the 18th–20th Centuries: Routes, Topoi, Genres and Narratives], Novosibirsk: NSPU.
- Polonsky A. (2015) Travelog i ego mesto v sovremennoj zhurnalistike. [Travelogue and Its Place in Modern Journalism]. *Vestnik TVSU. Philology*, no 1, pp. 207–215.
- Panarin A., Novikova L., Kara-Murza A., Diligensky G., Kulpin E., Perlamutrov V., Korolev S., Pantin I. (1994) Risk istoricheskogo vybora v Rossii (materialy kruglogo stola) [Risk of the Historical Choice in Russia (Materials of the Round Table)]. *Voprosy Filosofii*, no 5, pp. 3–26.
- Rusakov V., Rusakova O. (2014) Metodologiya diskurs-issledovaniya traveloga [Methodology of Discourse Studies of Travelogue]. *Discourse PI*, no 4, pp. 14–20.
- Smith O. (2013) K sovremennym diskussiyam o specifike i razvitii russkoj filosofskoj tradicii [On the Modern Discussions about the Specifics and Development of the Russian Philosophical Tradition]. *Solov’evskie issledovaniya*, issue 1, pp. 168–178.
- Schenle A. (2004) *Podlinnost’ i vymysel v avtorskom samosoznanii russkoj literatury puteshestvij. 1790–1840* [Authenticity and Fiction in the Author’s Self-consciousness of Russian Travel Literature, 1790–1840], Saint Petersburg: Academic Project.

- Shpak G. (2016) Travelog: poisk universal'noj definicii: chetyre strategii reprezentacii prostranstva [Travelogue: The Search for a Universal Definition: Four Strategies for Space Representation]. *Prepodavatel XXI vek*, no 2–3, pp. 261–277.
- Sorochan A. (2011) Tuda i obratno: novye issledovaniya literatury puteshestvij i metodologiya gumanitarnoj nauki [Back and Forth: New Studies of Travel Literature and Methodology of Humanitarian Science]. *New Literary Observer*, no 6, pp. 379–402.
- Zhukova O. (2012) Filosofiya v publicnom prostranstve [Philosophy in the Public Space]. *Philosophical Sciences*, no 7, pp. 140–145.
- Zhukova O. (2017) Filosofiya russkoj kul'tury: metafizicheskaya perspektiva cheloveka i istorii [Philosophy of Russian Culture: Metaphysical Perspective of Man and History], Moscow: Soglasie.
- Zhukova O. (2018) The Locus of Creativity: Alexei Kara-Murza and His Intellectual Topography of Russian History. *Russian Studies in Philosophy*, vol. 56, no 2, pp. 73–87.
- Zhukova O. (2019) *Opyt o russkoj kul'ture: filosofiya istorii, literatury i iskusstva* [An Essay on Russian Culture: Philosophy of History, Literature and Art], Moscow: Soglasie.